

НА СПЕКТАКЛЯХ
ПОЛЬСКОГО
ТЕАТРА

РАДОСТНОЕ ИСКУССТВО

Николай **МОРДВИНОВ**,
народный артист СССР

Комедия Ежи Юрандота «Такие времена», поставленная в Польском театре, поначалу кажется очень знакомой, повторяющей многие ситуации и сюжетные ходы некоторых наших схематичных пьес, построенных на традиционном конфликте отсталого директора и передового рабочего-рационализатора. Об этом думаешь, повторяю, поначалу, вернее, даже до начала спектакля, когда листаешь программу с кратким изложением содержания пьесы. Но вот проходят первые сцены спектакля, и вдруг ловишь себя на том, что его герои захватывают твоё внимание, заставляют следить за их судьбой. И вот уже смеешься неожиданным острым характеристикам персонажей, веселым комедийным положениям и радуешься благополучному разрешению всех неурядиц.

Все незамысловато, а интересно, как будто знакомо, а увлекает.

Пьеса написана очень непринужденно и законично, юмор ее не назойлив, тактичен. В ней нет лишних персонажей, нет разъяснения того, что всем давно известно, — автор доверяет зрителю.

Легко, просто, весело.

Но эта легкость не переходит в легковесность.оборот. За нехитрой сюжетной канвой встает большая тема становления нового мира. «Такие времена» — это рассказ о простых людях, строящих новую жизнь, формирующих новые отношения. И, как мне кажется, важнейшая заслуга Ежи Юрандота, режиссера Мариана Выжиковского и всех исполнителей в том, что они сумели очень точно, конкретно передать день сегодняшней Польши, иной, чем она была еще вчера и чем будет завтра. Сумели запечатлеть эту сегодняшнюю жизнь в движении, в ее противоречиях. Правда, быть может, не самые острые конфликты жизни отражены в пьесе, но ведь нужно помнить, что это комедия.

Герои пьесы и спектакля живут в современной эпохе, отмечены всей ее неповторимостью.

Вот старый мастер Петрыка — артист Конрад Моравский, — он настойчив в борьбе за свое предложение, которое принесет заводу прибыль, но в то же время как еще робко входит Петрыка в кабинет директора. Он еще не вполне освоился со своим положением хозяина. А молодой рабочий Чижики — артист Мариан Лонч — уже свободен от прошлого. Он держится независимо и смело, твердо настаивает на том, во что верит.

Быть может, ярче всего это переплетение старого и нового, прошлого и сегодняшнего свойственно директору Зелинскому, роль которого с великолепной комедийной заразительностью играет Тадеуш Кондрат. Его Зелинский не герой, не человек, который прокладывает новые пути. Это просто хороший, добротный работник, ему приятно чувствовать себя начальником, приказывать, принимать, отклонять. Артист дает почувствовать, что в другие времена его директор мог бы стать настоящим чинушей, бездушным бюрократом. Но сейчас само общество, коллектив тянет его, подпирает со всех сторон. Хотел отмахнуться от нововведения, его пристыдил друг детства — писатель; решил бросить завод, а молодой рабочий Чижики, изменив свое прежнее решение, остается на работе, как бы подает ему пример. Зелинского точно несет великолепное течение жизни, и мы видим, как в нем все больше просыпается хороших свойств, как побеждают качества, воспитываемые сегодняшним днем.

От нового — не уйти! Об этом говорит спектакль.

В «Таких временах», так же как в постановке классической пьесы Фредры «Муж и жена», во всем блеске проявилось комедийное искусство польских артистов. Они свободно выполняют труднейшие

сценические задачи, щедро обогащают драматургический материал. Вот пример точной комедийной находки.

Как преобразается Зелинский — Кондрат, узнав, что в него якобы влюблена секретарша Эля. Мгновенно затынут небрежно повязанный галстук, надет, тщательно одернут пиджак. Входит Эля, и головка Зелинского склонилась надоб, галантный жест, на лице обольстительнейшая улыбка. Но, оказывается, секретарша любит другого. Он не изображает разочарования и огорчения. Ошибка — так ошибка. Пиджак вешается обратно, галстук распускается, деловито засучиваются рукава — фразит больше незачем. Без слов, а все понятно и смешно.

В этом нет трюка, это не бездумное веселье. Я внимательно следил за игрой польских товарищей и в «Муже и жене» и в «Таких временах» и восхищался их умным юмором, глубокой наблюдательностью в самых, казалось бы, легких, пустячных сценах.

Актёры Государственного польского театра рисуют образ многогранно. Рядом с линией главного действия они умело плетут кружева бытовых черточек, подробностей, что создает такую трепетную, теплую ткань настоящей жизни. Подчас эти как будто бы второстепенные черты контрастируют с основным зерном образа, придают ему неожиданное, оригинальное звучание.

Да, Дорота, жена Зелинского, — мешанка, человек-пустышка, мечта о Варшаве, о блеске столичной жизни кружит ей голову. Как просто было Барбаре Людвиганке нарисовать отталкивающий образ вопиющей обывательницы. Но ее Дорота женственна, изычна, покорящая даже в своей глупости. Это, если можно сказать, очаровательная дуручка. И понятно, почему так трудно сопротивляться ее обаянию писателю Скупеню. Великолепна сцена его «обольщения». Отчетливо видишь, как в течение минуты переходит Скупень от насмешки и вежливого презрения к любопытству, затем к интересу — увлечению — страсти и, наконец, к смущенному отрезвлению. В этом эпизоде раскрывается разнообразный талант Чеслава Воллэйко. Советский зритель видел его вдохновенного Шопена в фильме «Юность Шопена» и ловкого светского жуира Альфреда в «Муже и жене». Писатель Скупень в исполнении Воллэйко — мужественный, умный человек. В таких разных образах артист ясно показал свой большой дар перевоплощения.

В сценической манере польских артистов пленяет богатство мимики, отточенное мастерство диалога, свободное владение телом. Это позволяет им играть смело, щедро, говорить со зрителем полным голосом. Яркость, выразительность сочетаются в их исполнении с легкостью и непринужденностью. Нет! Это не бездумное веселье. Это умное, осознанное веселье людей, знающих цену и эпохе «Мужа и жены» и эпохе Новой Гуты. Это смех сильных, уверенных в своей правоте художников.

Мне кажется, есть и для нас поучительные вещи в радостном, полнокровном, зажигающем искусстве польской комедии. Оно заставляет подумать о том, что иногда в произведениях литературы и театра мы без нужды серьезничаем, утяжеляем простые вещи, мудрствуем, лишая себя и зрителя радости веселых переживаний, которые так щедро предлагает нам жизнь.

Прошло два года, как я был в Польше и имел возможность познакомиться со сценическим искусством наших друзей. За два года польский театр явно вырос. И мне радостно, что настоящий успех венчает труд наших польских коллег, радостно потому, что их победы — наши общие победы, победы лагеря мира.